

сюморон «светлость-тьма»; афористические сопоставления «прелестна-несчастлива», «прехвально-печально») подчеркивают эту старую барочную тему, на присутствие которой в сочинениях Сумарокова указал А. А. Морозов, как на нечто противоречащее основным постулатам классицизма.²⁸ Тема «суета мира» очень часто встречается в творчестве Сумарокова, и ее нельзя считать ни просто данью литературной моде, ни масонской причудой.

Проблема суеты мира в толковании Сумарокова отражает его представление о том, что пороки чаще всего не наказываются на земле и что зло все больше распространяется. Он верил в то, что учение — «испорченным нашим сердцам лекарство», но в то же время признавался, «что сие лекарство общему блаженству пользует мало, а иногда и во яд претворяется» (VI, 231; см. также VI, 295–297). Этот довольно пессимистический взгляд приводит Сумарокова к заключению, что история и человеческая жизнь вообще этически оправдываются только в том случае, если ориентируются на жизнь после смерти. Так он рассуждает в своей истории первого стрелецкого бунта: «Кто из сих тиранских и почти естество человеческое превосходящих действий: кто из сего единого только не видит того, что есть нам жизнь после смерти; когда нет равновесная сим злодеям казни на свете: и когда на сии недостойные своего Создателя твари не пали грозные молнии и страшные громы!» (VI, 199–200). Это типичный образец философского мышления Сумарокова — сопоставление земного мира с божественным идеалом. Бог, правосудие, посмертная жизнь — необходимые и неотделимые друг от друга понятия для Сумарокова. Если правды нет на этой земле, то правда будет выше.

Характерно, что Сумароков всегда утверждал полное «согласование» естествознания и религии, науки и откровения. Но, как и многие просветители его эпохи, он старался избегать метафизических вопросов. «Почти вся Катезиянская философия, — писал он, — есть голый Роман. Все без изъятия Метафизики бредили»; только «премудрость Божества неисчерпаема» (IX, 290). Таким образом, Сумароков заменял метафизику рационализма традиционной идеалистической метафизикой. В другом месте он спрашивает: «Что ж будет по кончине нашей? Добрым доброе; худым худое. Не подумает ли кто, что я сим рай и ад утверждаю? Нет, рай и ад до естественного мудрования не принадлежат: а я пишу не об откровении; но метафизическую естественно; а то дело духовных...» (VI, 268). Я «метафизическую естественно» — таково в сжатой форме основание сумароковского богословия и этики.

²⁸ Морозов А. А. Судьбы русского классицизма // Рус. литература 1974. № 1 С 19–20, 25–27